

ПО ПЕТРОГРАДУ.

Базарь.

Старый Петербургъ отступаетъ. Не такъ давно, передъ рождествомъ, у Гостиннаго двора выросталъ лѣсъ елокъ. Двумя длинными рядами протягивались по Конногвардейскому бульвару ларьки. Воздухъ наполнялся необычнымъ крикомъ и свистомъ. Щелкали искусственные водяные соловьи, крикали утки, инструментъ изъ перепонки и воцеленной нитки, жалобно пищали резиновые умирающія свяньи и черти.

Богатые купцы протестовали, говорили, что все это мѣшаетъ ихъ предпраздничной торговлѣ и шумный базарь, со всѣмъ своимъ пискомъ и трескомъ пропасть съ главныхъ улицъ.

Но онъ не умеръ. Онъ сузился, онъ одемократился и снова воскресъ, поближе къ окраинѣ, снова охватилъ своими елками и наскоро сколоченными будками, правда, уже не гордый, многомиллионный Гостинный дворъ, а всякіе «круглые» и «сытные» рынки.

Измѣнилась и его фязіономія. Не видно больше разодѣтыхъ купеческихъ краснощекихъ дочекъ, великовозрастныхъ, длинноногихъ гимназистовъ съ дымящейся папиросой въ рукавѣ. Юркіе и шустрые мальчишки и дѣвочки замѣнили студентовъ, на мѣстѣ купеческихъ дочекъ— папиросницы съ фабрики и степенно выматривають предметы заводскій рабочій.

И измѣнились сами ларьки. Кумачъ и ситецъ и рядомъ куски подозрительнаго мяса и разнообразной колбасы и консервовъ.

Но если вы хотите знать, что ѣсть, чѣмъ жить и какъ живетъ тотъ народъ, который мы видимъ только на улицахъ съ извозчиковъ, да еще, иногда, на картинкахъ разныхъ журналовъ, то не стѣсняйтесь, вопритесь въ толпу и потолкайтесь вокругъ будокъ, запрятавъ, на всякій случай, кошелекъ въ задній карманъ.

«Кустарныя прозвѣдѣнія собственнаго произвѣдѣнія». Буквы синія, красныя и зеленыя, на бѣломъ каленкорѣ. На покатоми прилавкѣ рамки пѣла ракушекъ. Зеркала маленькія и большія, тусклыя и плоскія, въ которыхъ вы увидите свое до крайности удивленное лицо, съ громаднымъ флюсомъ съ правой стороны.

Пряники, пахнущіе воздухомъ и желейзомъ, сердечкомъ, колечками, бѣлыми и красными. Орѣхи съ золотомъ и серебромъ. Лики святыхъ въ жестяныхъ ризахъ, кружки и чашки съ разводами

и надписью алымъ золотомъ: «Пей андель».

Не забыта и духовная пища. Купите толстенную книжку за двадцать копеекъ. Вы съ удовольствіемъ прочтете «Повѣсть о приключеніяхъ англійскаго милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фридерики-Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго турепкаго визиря Маршмитиса и сардинской королевы Терезіи въ трехъ частяхъ».

Чудеса и приключенія невѣроятнѣйшія и вы поймете, какъ жалка и бѣдна фантазія у вашихъ модныхъ беллетристовъ.

Купите портретъ блага генерала на конѣ. Онъ въ рамѣ и всего стоитъ полтинникъ, если немного поторговаться. Въ кабинетѣ, онъ оживитъ стѣну и не разъ послужитъ для васъ благодарной темой для разговора, когда у васъ будетъ сидѣть скучный гость и не о чемъ будетъ говорить.

Въ маленькихъ бабкахъ, въ полузамерзшей водѣ, плаваютъ золотыя рыбки. Это жертвы. Ихъ судьба—смерть на третій день. Но сколько радости за эти три дня доставятъ они дѣтямъ старшаго дворника, заводскаго кладовщика и какъ усердно будутъ утощать они рыбаковъ бѣлымъ хлѣбомъ, отравляя воду.

Идетъ торговля. Тащутъ крохотныя елки, съ разноцвѣтными бумажными обручами и цвѣтами. Торговцы клянутся и божатся. Съ изумительной быстротой сыплются въ подставленные карманы сѣмячки. Крѣпкое слово хлестко рѣжетъ морозный воздухъ.

Повсюду, съ радостными лицами, тащутся фигуры, нагруженныя кулечками, пакетиками, всякимъ ненужнымъ хламомъ, такимъ дорогимъ и необходимымъ сейчасъ.

И, выйдя изъ сутолоки, изъ этихъ кривыхъ и узкихъ закоулковъ временнаго города, становится и смѣшно и досадно.

Важные, умные люди, въ больницахъ, богатыхъ кабинетахъ, сидятъ и нишуть о томъ, что елка, Рождество, сочельникъ—нѣмецкій обычай. Что нужно все отмѣнить, замѣнить чѣмъ-то новымъ, серьезнымъ и тихимъ.

— Пожалуйте лучше на Сытный рынокъ, глубокомысленные господа.

Б. Гейеръ.